

Слово молодым политологам

УДК 329 (470)

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ПАРТИИ ВЛАСТИ» В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КЛАНОВОЙ ПОЛИТИКИ В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х годов (на примере Ульяновской области)

А.Е. Домашенко

Ульяновский государственный университет
E-mail: dom-andrey@yandex.ru

В статье исследуется феномен «партии власти» как элемент современной российской политики на локальном уровне. Отмечено, что взаимоотношения региональных лидеров и различных версий «партий власти» представляли собой варианты взаимной адаптации в условиях политической неопределённости переходного периода.

Ключевые слова: партия власти, политическая трансформация, политические кланы, региональный режим.

Transformation of the «Party of Power» in Context of Russian Regional Clan System on the Threshold of 21st Century (the Ulyanovsk Case)

A.E. Domashenko

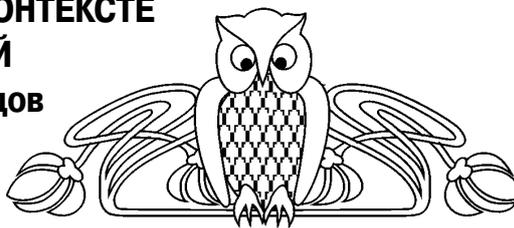
This paper is studying the “party of power” phenomenon as an important element of modern Russian political transformation on a local level. There is little doubt that the sustainability of the non-competitive regime built during the 2000s will continue to wane, while demand for an alternative political system will grow. The problem of “party of power”, indeed, looks even more relevant in Russia today than it did in the 1990s, when it was first articulated.

Key words: party of power, political transformation, political clans, regional regime.

Предварительные концептуальные пояснения

Под понятием «партия власти» мы имеем в виду партию, движение или блок, создаваемый правящей группой для реализации определенных политических целей.

Проблема «партии власти» в российской политической науке занимает одно из центральных мест. Пик популярности этой темы среди российских политологов приходится на 2001–2006 гг., когда многие эксперты исследовали сущность этого политического явления в разных аспектах: изучали природу партии власти, ее состав, взаимоотношения с различными политическими субъектами, особенности функционирования и различные политические практики. Среди основных работ, которые задавали ориентир для исследований этого феномена, можно выделить: «Российские партии на выборах: картель «хватать всех» О. Гаман-Голутвиной, «Перспективы

доминирующей партии в России» В. Гельмана, «“Партия власти” в русской публичной политике» И. Глебовой, «Партия власти: от идеи к воплощению» Ю. Пивоварова, «Квазипартийные образования в поле российской политики» А. Соловьева.

Все авторы признают то, что «партия власти» создается правящей элитой для сохранения своей власти. «Партия власти» призвана выражать позиции власти в парламенте, упрощая процесс принятия и реализации политических решений, объединять электорат вокруг находящейся у власти группировки, консолидировать элиты, служить кадровым резервом для правящих элит. Однако подход к изучению феномена и акценты в исследованиях, разумеется, были разными. Например, И. Глебова, используя подход Ю. Пивоварова, выдвинула объяснительную модель, согласно которой «партия власти» – инструмент управления властью обществом в условиях демократизации и сохранения доминирующего положения правящих элит¹. О. Гаман-Голутвина подчеркивает важность того, что партия власти является инструментом управления и контроля за политической обстановкой в регионах со стороны федеральной власти².

Однако существует ряд моментов, в которых исследователи расходятся, и их стоит выделить отдельно. Во-первых, спор ведется относительно того, что «партия власти» – это сугубо российское явление в связи со спецификой российских политических институтов и формированием партийной системы «сверху». Также неоднозначно, какую партию считать первой «партией власти» в России: «Выбор России», либо «НДР», либо какие-то более ранние варианты. К тому же актуальным является противоречивость доводов относительно разрешения конфликтов внутри «партии власти»: она служит органом, сглаживающим конфликты и ослабляющим их (Ю. Пивоваров), или же напротив, консервирует противоречия, что способствует лишь их усилению (М. Острогорский). Кроме того, если С. Васильцов, С. Обухов склонялись к тому, что «партия власти» – «приводной ремень» Администрации президента³, то А. Соловьев обозначает партию власти как «административный сегмент власти, адаптированный для присутствия в структурах гражданского представительства»⁴.

Процесс трансформации отечественной посткоммунистической «партии власти» продолжается уже около 17 лет. И сейчас большой интерес представляют причины поражений одних и побед других проектов «партий власти». Период утверждения идеи и института «партии власти» в политическом пространстве России приходится на 1993–1999 годы. За это время две версии «партии власти» сошли с политической сцены («Выбор России» и «НДР»), а одна («Единство») приобрела существенный политический вес, что позволило ей стать фундаментом для строительства доминирующей ныне партии – «Единой России». Однако в регионах этот процесс происходил во многом иначе, чем на федеральном уровне. Ульяновская область в этом смысле представляет собой один из ярчайших примеров.

В данной статье автор ставит своей целью рассмотрение факторов эволюции «партии власти» в Ульяновской области в контексте становления местного политического режима.

Трансформация «партий власти» в рамках ульяновского локального политического режима

Региональные практики создания «партий власти» отличались от федеральных и зависели от установившегося в регионе политического режима. Ульяновская область как регион, традиционно относящийся к «красному поясу», длительное время обособленный от федеральных властей, представляет особый интерес.

Начавшаяся в ранние 1990-е гг. регионализация Российского государства привела к образованию в Ульяновской области специфической формы локального авторитаризма бывшего губернатора Ю. Горячева. Задолго до появления в кремлёвских верхах идеи «партии власти» Горячев на местном уровне создал законченный тип локальной «партии администрации». Последняя стала порождением специфического ульяновского номенклатурного клана. Это объединение сложилось после августа 1991 г. как хорошо организованная группировка, контролировавшая властные структуры и бизнес в Ульяновском регионе вплоть до своего падения в конце 2000 г. Сплочённость горячевской правящей группировки обеспечивалась посредством проникновения различных узлов власти и взаимопереплетения карьер.

В начале 1990-х гг. Ю. Горячев был настоящим народным лидером, образцовым «локальным героем». Во имя защиты интересов жителей региона он сумел бросить вызов политике «шоковой терапии» Ельцина–Гайдара. В общероссийском масштабе эта политика получила громкое название «ульяновского феномена», сами же местные руководители называли такой курс «мягким входением в рынок». Символы политики, проводимой в 1992–1995 гг. – талонная система, административное регулирование, устойчивая

социальная ориентация – действительно выдавали Горячева как народного лидера, приверженного непартийному эгалитаризму.

Такой была политическая среда, в рамках которой начинались и проваливались попытки создания различных «партий власти». Что касается партийной системы, то кроме местной организации КПРФ, все партии в Ульяновской области характеризовались малочисленностью, организационной и финансовой слабостью, а также отсутствием ярких лидеров⁵.

За время нахождения Горячева на губернаторском посту в области появились три федеральные «партии власти», две из которых были поддержаны региональной администрацией. Если с определенной оговоркой на федеральном уровне «Выбор России» можно было назвать «партией власти», то в Ульяновской области эта партия изначально не вписалась в региональную систему власти. Главным образом потому, что «Выбор России», в котором идеологическая составляющая была более выражена, чем в последующих вариантах «партий власти», был всецело ориентирован именно на поддержку проводимого Е.Т. Гайдаром курса на либерализацию цен и политику «шоковой терапии». Само собой разумеется, что в Ульяновской области «Выбору России» пришлось встать в оппозицию к региональным властям. В блок «Выбор России» в Ульяновской области входили преимущественно предприниматели, фермеры, президенты банков и часть вузовской и творческой интеллигенции. На выборах 1995 г. блок «Выбор России» набрал 1,2%, что означало уход данной партии с отечественной политической сцены.

Быстрое исчезновение «Выбора России» на федеральном уровне предопределило недолговечность этой партии в Ульяновской области. Так называемые демократические реформы были всячески дискредитированы ухудшением уровня жизни населения, и большинство жителей Ульяновской области испытывало потребность в социальном патронаже. Ю. Горячев с блеском исполнял роль «героя» и «защитника», и в первой половине 1990-х гг. не стремился идти на компромисс с какими-либо политическими силами.

Второй «партией власти», являвшейся более бюрократической и приближенной к высшим эшелонам российской власти, была «Наш дом – Россия» (НДР). К тому времени – с середины 1990-х гг. – наметился крах проводимой в Ульяновской области политики «мягкого вхождения в рынок», а вместе с ним и падение авторитета Ю. Горячева. В целях закрепления своего положения Ю. Горячев начал стабилизировать отношения с Кремлем. Если ранее Горячев публично не демонстрировал своих политических симпатий, то теперь близость ульяновского губернатора к «партии власти» была подтверждением политической лояльности Кремлю, согласием ульяновского губернатора примкнуть к общероссийской властной конструкции. Это проявилось во всту-

плении Ю. Горячева в политсовет всероссийского движения «Наш дом – Россия», возглавляемого премьер-министром страны В.С. Черномырдиным. Главный мотив участия Горячева в работе «НДР» заключался в стремлении заручиться поддержкой сильной федеральной политической фигуры сначала в лице Черномырдина, затем, как в случае с движением «Единство», Примакова и, наконец, Путина. Подобное поведение, впрочем, стало хрестоматийно образцовым для большинства российских региональных лидеров того времени.

К формированию движения «НДР» в Ульяновской области были привлечены областная администрация, банкиры, директора крупных предприятий и другие влиятельные люди области. По свидетельству очевидцев, впечатление о «НДР» как партии начальства прикрепило еще с учредительного собрания – большинство членом на нем были бывшими членами КПСС. Напоминали о КПСС как практика проведения мероприятий в «НДР» с его дружным и единогласным голосованием, так и система коллективного членства, действующая в движении⁶. Членство Горячева в движении «НДР» было сугубо формальным: он почти не принимал участие в деятельности движения в Ульяновской области и практически не участвовал в мероприятиях федерального масштаба, инициированных центральным органом партии⁷.

На выборах 1995 г. «НДР» набрала меньше половины от среднероссийского результата – 4,7%. На конференциях региональной организации очень часто упоминалась одна из ключевых проблем движения – большинство населения России и Ульяновской области не считает «НДР» «своим». 19 марта 2000 г. ульяновская региональная общественно-политическая организация всероссийского политического движения «Наш дом – Россия» прекратила свою деятельность.

Третьей «партией власти» в Ульяновской области стало региональное отделение движения «Единство», ориентированного на фигуру нового Президента РФ В.В. Путина. Следует отметить, что к появлению «Единства» на российском политическом небосклоне ульяновская правящая элита оказалась совершенно не готова. Привыкнув к торгу и взаимному попустительству в отношениях с федеральным центром, региональная элита была сбита с толку неожиданным приходом к власти Путина и мощной рекламной кампанией «Единства». Поначалу Ю. Горячев отказался от связей с этим движением, а СМИ областной администрации начали выступать с антипутинскими заявлениями. Однако затем областная администрация осознала свою ошибку и начала активно сотрудничать с новой «партией власти». Формирование «Единства» в Ульяновской области было осуществлено по той же схеме, что и предыдущая версия «партии власти» – движение было создано в короткие сроки, во главе которого был назначен заместитель губернатора А. Павлов.

«Единство» появилось в Ульяновской области в поворотный период не только для Ульяновской области, но и для всей России. Избиратели Ульяновской области ощущали необходимость перемен, и «Единство», представляющее новую политическую силу и опирающееся на популярного лидера, представало в выгодном положении. В итоге полученный «Единством» результат на выборах 1999 г. в Ульяновской области (23,4%) мало отличался от общероссийского показателя (23,9%).

Однако, несмотря на авторитет среди ульяновских избирателей, местная организация «Единства» оказалась в весьма сложном положении перед губернаторскими выборами декабря 2000 г. Это было связано с тем, что она раскололась на торе относительно поддержки кандидата генерала В. Шаманова на предстоящих выборах губернатора Ульяновской области. Руководители районных администраций и активисты местных отделений «Единства» начали агитировать за Ю. Горячева, городские представители «Единства» стали выступать за кандидатуру В. Шаманова, а обком партии занял нейтральную позицию. Многие из представителей регионального «Единства» входили в горячевский политический клан, однако решающей оказалась воля федеральной власти. «Единство» поддержало на пост главы области генерала В. Шаманова. Во-первых, Горячев, несмотря на демонстрацию лояльности, был «чужой» фигурой для постельцинского Кремля; во-вторых, Ю. Горячев существенно потерял в своем рейтинге, и население области остро ощущало необходимость перемен; в-третьих, при старом губернаторе было бы существенно сложнее оттеснить от власти и собственности местные элиты.

В начале 2000-х гг., на фоне краха горячевской политики популистского регионализма в виде «мягкого вхождения в рынок», Ульяновская область подошла к очередным губернаторским выборам. В декабре 2000 г. новый претендент на пост главы региона генерал В. Шаманов при поддержке Кремля одержал победу над Ю. Горячевым. Окончание эпохи Горячева породило надежды на рост общественной энергии и гражданской активности в регионе. Однако, как показали дальнейшие события, новый губернатор стал придерживаться кланового стиля руководства взамен политической соревновательности.

Таким образом, взаимоотношения региональных лидеров и различных версий «партий власти» представляли собой варианты взаимной адаптации в условиях политической неопределенности переходного периода.

Победа третьего проекта «партии власти» в лице «Единства» стала следствием не столько смены схем в построении этой политической организации (хотя и это имело место), а отражением изменения политического режима всей страны в постельцинский период.

Примечания

- 1 См.: Глебова И.И. «Партия власти» в русской публичной политике // Политическая наука. 2005. № 1.
- 2 См.: Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель «хватай всех» // Россия сегодня. 2004. № 1.
- 3 Васильцов С., Обухов С. «Единая Россия»: попытки превратиться из «партии для власти» в «партию власти». Интернет-ресурс «Центр исследования политической культуры России»: URL: <http://www.alpha.perm.ru/iaproject/txt.php?n=13777>. 12.10.10.
- 4 См.: Соловьев А.И. Квазипартийные образования в поле российской политики // Власть. 2003. № 12.
- 5 См.: Магомедов А.К., Кириченко М.М. От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (На примере Ульяновской области и Краснодарского края) // Феномен Владимира Путина и российские регионы. М., 2004; Магомедов А.К. Три возраста новейшей ульяновской политической истории: политический патронат взамен партийной традиции // Российский парламентаризм: история и современность: сб. ст. Ульяновск, 2005. С. 259–270.
- 6 См.: Мамонтов О.Г. «Нашдомовцы» поделили область // Симбирские губернские ведомости. 1998. 18 марта.
- 7 См.: Бикметов Р.М. Избирательный процесс, власть и оппозиция в Ульяновской области // Полис. 1999. № 3.

УДК 323.396

ГОРОДСКИЕ ЭЛИТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ

Д.П. Соснин

Ульяновский государственный университет
E-mail: uldps@mail.ru

В статье анализируются основные политологические подходы к определению понятия «элита» и предлагается прикладная модель для идентификации и исследования городских элит постсоветской России.

Ключевые слова: городские элиты, принятие решений, муниципальная власть.

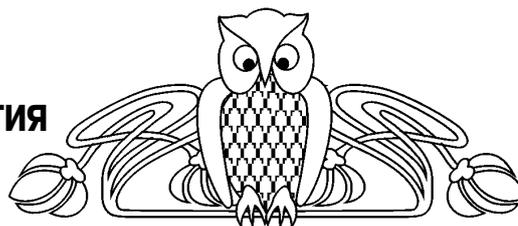
City Elites: Theoretical and Applied Concept Interpretations

D.P. Sosnin

In this article on the basis of the analysis of the main political science approaches to definition of concept «elite» is offered applied model for identification and research of city elites of Post-Soviet Russia.

Key words: city elites, decision-making, local government.

В современных условиях Российская Федерация сталкивается с глобальными вызовами, связанными с последствиями мирового экономического кризиса, усилением международной конкуренции, обострением борьбы за ресурсы. Актуальной для страны является задача преодоления экспортно-сырьевой ориентации экономики, а также организация производства конкурентоспособных на мировом рынке отечественных товаров на базе передовых технологий. Необходимость модернизации осознана федеральными органами власти и зафиксирована в целом ряде документов, в том числе в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года¹. Существенная роль в реализации модернизационной стратегии в указанной Концепции отводится «зонам опережающего экономического роста», к которым в первую очередь относятся:

- крупнейшие агломерации с наиболее динамичным экономическим ростом, обеспечивающим приток населения и инвестиций (в среднесрочной перспективе сохранится тенденция к опережающему развитию столичных агломераций и концентрации в них основных финансовых и инновационных ресурсов);

- крупные города – центры регионов, рост которых обеспечивается концентрацией сервисных функций и промышленных производств (с растущей долей обрабатывающих отраслей, ориентированных преимущественно на внутренние рынки).

Однако решение поставленных федеральным центром амбициозных задач требует наличия на местах своего рода «агентов модернизации». Поэтому принципиальным является вопрос: могут ли существующие городские элиты быть на локальном уровне «проводниками» процессов социально-экономического развития?

Использование в данном контексте понятия «городские элиты» требует определенных пояснений.

Термин «элита» ведет свое происхождение от латинского *eligere* – выбирать; в современной литературе он получил широкое хождение от французского *elite* – лучший, отборный, избранный. В категориальный аппарат социальных наук понятие «элита» было введено итальянским экономистом и социологом Вильфредо Парето на рубеже XIX–XX веков. Элиту он определял как «класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности»².

В настоящее время в социальных науках существуют два основных методологических под-